

* * *

Квартира Сунцовых состояла из трех комнат. Около кухни была столовая, в двух остальных жили хозяева. Здесь сохранились необыкновенные для того времени и порядок, и уют. В комнатах мебель из красного дерева. Фикусы поднимаются до потолка, на стенах портреты, северные пейзажи, написанные масляными

красками, по углам громаднейшие маральи рога. Всюду чучела птиц, белок, полярных лисиц. На полу бурые медвежьи шкуры. В углу, в передней, целая пирамида разнокалиберных ружей, патронташей и лыж. А поправее — стена-гардероб. Здесь висят олени дохи, песцовые тужурки, пыжиковые шапочки, несколько пар мужских и женских унтов.

В этом доме до семнадцатого года жил управляющий прииском инженер Стульчинский. Он был художник и сам устроил это уютное гнездо, но в революцию бежал с хозяевами и где-то в тайге нашел свой покой.

Рабочие не успели занять дом, и, может быть, потому он и сохранил былую важность, чистоту и чопорность. Но для Валентины Сунцовой этот дом с широкими итальянскими окнами стал черным склепом почти с первого дня приезда на прииск.

Вот уже два года, как она занималась одним и тем же: ела, читала, играла на пианино, проклинала вместе с братом и невесткой революцию и боялась большевиков.

По ночам, в жутком одиночестве, припоминала разгром гимназии, где засели юнкера, смерть отца на ее глазах, и после вступления Красной армии в их город — бегство в тайгу...

В этот год она чувствовала какую-то недужную, старческую усталость. Жизнь была в прошлом, она не могла найти другой жизни в обществе невестки и приисковых баб, так как после бесед с Яхонтовым ни во что не верила.

Она только под утро задремала и проснулась поздно с головной болью. Слегка откинув песцовое одеяло на шелковой голубой подкладке, она потянулась рукою за открытой книгой. Все читано и перечитано десяток раз.

Валентина достала портрет.

Крупное, вдохновенное, дерзкое лицо и слегка прищуренные глаза под черными скобами бровей.

Как-то незаметно наплывали сравнения.

Чьи это глаза? Где она еще видела такие же глаза? Только почему они, «те» глаза, смотрели на нее, кажется, враждебно?..

Но и этот студент-юнкер — в прошлом. Он уже не существует...

Валентина встала и долго смотрела в круглое туалетное зеркало на свои полные, не тронутые ни одной морщинкой руки и налитые, точно выточенные, шею и грудь. В гимназии считали ее первой красавицей, и однажды на вечере она были признана королевой бала. Тогда это придало гордости, а теперь только усиливало сознание своей никчемности.

В зеркале массивными прядями отражались кудрявые черные волосы, откиннутые на обе стороны, и ослепительно белел прямой пробор. Как и всегда, на минуту залюбовалась своим лицом и блеском глаз. Забывала, что это ее глаза, хотелось, чтоб они были чужие.

Сегодня заметила, что потемневшие подглазницы подернулись едва заметными шелковистыми морщинками. Чувствовала, как сердце забилося чаще, а румянец щек стал бледно-желтым. С досадой тряхнула кудрями и отвела глаза от зеркала. Вспомнила, что давно уже не ухаживала за своим лицом.

«Да и зачем это?» — снова зашевелилась неотвязная мысль.

В это утро она поочередно перебирала все свои книги, альбомы, и ни на чем не остановилась. От всего веяло далеким, невозвратным. Все в прошлом, а настоящего и будущего — нет.

Она наскоро оделась и хотела выйти в кухню. Вдруг около двери ее комнаты послышались шорох и борьба.

— Ты мерзавец! Окаянный! — неистово кричала Галина.

Маленькая женщина с изможденным лицом, как белка, скалила золотые зубы и со сжатыми кулаками наступала на мужа. А он в наглой улыбке растягивал рот, смеялся белками цыганских глаз и, уклоняясь от ударов, отступал вглубь Валентиной комнаты.

Оба они были в спальном белье и босые.

Тошная грудь Галины лихорадочно колыхалась, на лице и шее выступили багровые пятна.

— Убью, негодяй! — шипела она и, ухватив венский стул, бросила им в мужа. Но Сунцов подставил руки, и стул рикошетом ударился в туалетный стол.

По гладкому полу гулко отдалась брызги разбитого зеркала. Галина бросилась на пол и задергалась в истерических судорогах.

Валентина не испугалась, но в десятый раз за свою жизнь у брата испытала прилив жгучей обиды. Ноги ее подкашивались, а в горле застрял гневный, отчаянный крик. Она набросила на плечи олений мешок и, не глядя на брата, выбежала во двор.

«И это жизнь?» — думала она, торопливо шагая по мягкому снегу.

С пригорка был виден весь прииск. Над крышами казарм расстилался голубой дым и уходил к хребтам в тайгу. По прииску разными тропами двигались люди, и от того ли, что день был теплый, или потому, что Валентина плохо слышала, их разговоры были глухи, как из-под земли.

Еще не отзвенела утренняя заря. Где-то в сених казармы рубили дрова. Звуки также тихо уходили ввысь, к темным вершинам горных гребней, и там мягко таили.

У казармы золотничников Валентина почувствовала запах прелых стелек и жженого хлеба.

Около амбаров и внутри их бабы с кошельми на плечах в сорочьей тревоге осаждали Никиту.

Валентина едва поняла, что получают пайки, и тут же вздрогнула от ненавистного прикосновения чужих глаз.

Чей-то насмешливый голос глухой обидой толкнул:

— Недолго, барышня, на музыке брякать... Скоро в нашу компанию запишешься!

Оборванные, пропотелые, с истрескавшимися руками и лицами, бабы тешились своей маленькой животной радостью. У них было что-то свое, непонятное ей. «Что случилось с ними?» Многих из них она видела на баптистских молениях с лицами, как у запуганных животных, а теперь эти лица озарены воскресным светом...

Из амбара сквозь дружеские толчки баб, задевая головой о дверную колоду, выскочил Василий.

Его рот растягивался от хохота, а лицо было набелено мукой. Отряхивая побелевшую шинель, он погрозил бабам кулаком и смело шагнул к Валентине. Она как будто только теперь пришла в себя и посторонилась, намереваясь уступить ему дорогу.

Их одинаковые глаза встретились в жгучем вопросе. Василий улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ Сунцова! Мы вас мобилизовали секретарем в наш

распред. Собирайтесь с духом и выходите на работу. Республика не терпит прогулов. А грамотные люди не могут собак гонять. Заодно и школу вам препоручаем...

Он сощурил глаза и, тряхнув головой, зашагал мимо.

Валентина, как прикованная, стояла на месте и, казалось, не поняла ни слова.

У амбара раздался бабий хохот, и опять тот же голос уколол глухой болью:

— Берегись, барышня, военные — мастера обхаживать вашего брата... А с брюхом приходи ко мне — сбабничаю не хуже кушерки!

Валентина повернулась и пошла обратно, пошатываясь, как пьяная. Не глядя на домашних, она прошла в свою комнату и только здесь припомнила встречу с Василием и его прищуренные глаза. Она порывисто подняла с пола портрет юнкера и долго всматривалась, ища сходства этих угасших глаз с живыми глазами Василия.

В комнату вошла заплаканная Галина. Она в запальчивости сунула Валентине желтую залапанную бумажку и, задыхаясь, присела на стул.

— Разбойники! Звери! Они нас разорят! Они! — Галина закрыла изуродованное морщинами лицо и снова задергалась в судорогах.

Валентина равнодушно прочла безграмотный текст самодельного ордера на конфискацию имущества и ниже приписку:

«А также гражданка Валентина Сунцова мобилизуется для работы в рудкомое и в школе, куда предлагается ей явиться к тов. Качуре».

А в самом конце — размашистая, неразборчивая подпись. Но поняла, что это подпись его — Медведева.

Трудмобилизация была объявлена в субботу вечером на общем собрании рабочих и служащих. Это второе собрание под председательством техника Яхонтова прошло спокойно. Он же докладывал и ближайший план предстоящих работ.

Тунгусников было немного, и те, видимо, пришли из праздного любопытства и желания подтрунить над медведевской затеей. После доклада было принято громкое решение: «Открыть работы воскресником. Не вышедших лишить пайка и жилища».

Утренний сбор был условлен в конторе, а после собрания секретарь Залетов составил именной список боровских жителей и улыбался в свою желтую бороденку, когда очередь доходила до тунгусников.

— Ваше социальное происхождение и занятие?

— Такое же, как и ваше, — отшибали те.

— Родились все из одного места, а вот крещены по-разному, — заметил в шутку Сунцов.

В этот вечер он был необыкновенно подвижен и даже услужлив. На глазах у всех он два раза подходил к Василию и дружески заговаривал с ним.

Старые приискатели перемигивались при этом.

— Смотри, как подсеваешь...

— Без мыла прет...

— Вишь, как скоро взял тон...

Утром, в серые сумерки, в первый раз после трехлетнего молчания зазвонил приисковый колокол. И будто дрогнула тайга от давно не слышанных звуков. В ответ медным звоном запело эхо в хребтах.

День был теплый, на дворе пахло талым снегом. Удары колокола мягко дрожали над прииском и где-то в лесах падали, затихали.

Около конторы густо собирался народ.

Бабы отдельным колком, как тетерева на току, будоражили утреннюю тишину. Мужики пыхали трубками и сигарками. Некоторые записывались у Залетова и разбирали сваленные у конторы кайлы и лопаты.

— Рваная армия труда, — сказал Яхонтов, обходя кучки собравшихся. Глаза его горели непотухающими угольками, а губы растягивались в улыбке.

И чувствовал себя опять так же, как раньше — на разбивке.

Вот первый штурм, к которому он готовился с начала приезда на прииски. Сотни рук сегодня сделают первый толчок в мертвые недра, правда, еще холостой толчок, но важна репетиция.

А репетиция удалась: почти все приисковые мужчины и женщины высыпали из своих закоптелых казарм.

Секретарь Залетов захлопнул испачканную тетрадь и подошел к Василию с открытыми от улыбки зубами.

— Все собрались кроме шпаны, — и отмечать нечего! — сказал и раскатисто рассмеялся.

— А ну, постройся в два ряда! — крикнул Василий и вытянул руку, указывая фронт.

Приискатели один за другим начали примыкать. Неумело и от этого забавно подражали военным; у большинства бродни задрали кверху рыжие утиные носы, а на головах — не шапки, а лохмотья звериных шкур.

Женщины одной скученной фалангой слева беспорядочно топтались и галдели в споре за места.

Мужчины пускали колкие смешки:

— А ну, подравняйтесь, бесштанная команда...

— Эй, женский батальон!

Василий прошелся вдоль по вытянувшейся шеренге. В глазах у каждого чувствовалась скрытая радость. У Василия сильнее стучало сердце.

В стороне строились подростки. В реве детских голосов слышался весенний гомон и молодой задор.

Солнце еще не поднялось над хребтами, когда разрозненные кучки людей двинулись к мастерским. Василий пошел впереди и первый ударил лопатой в сугроб.

В конторе и клубе заправляла Настя.

Подоткнув высоко подол и громко шлепая голыми пятками по полу, она расплескивала направо и налево бурный поток своих слов:

— Эй, почище, бабочки...

— Вот тут дресвой прихватите!

— Не для кого-нибудь, а для себя, бабочки!..

Бабы наперебой бросали ей колкости и вечное недовольство:

— Ой, для себя ли?

— Да она-то для себя глотку дерет, а нас-то тут и не увидишь.

— Вишь, команду какую взяла, — как муж, так и жена.

— А как же? Где болото, там и черт, это обязательно!

— Вот все у нас так... Давно ли к бахтистам нас суматошила, а теперь в комунию волокет.

— Это уж, как наповадится собака за возом бегать, хоть ты ей хвост отруби, а она все свое...

— Ой, не грешите, охальницы, — заступались другие.

Солнце клонилось к паужину. С юга, с гор, тянул легкий ветер. Кучки рабочих, захватив равные участки, отходили все дальше и дальше.

Валентина, в оленьей дохе и унтах, неумело долбила лопатой снег и мешала Качуре с Яхонтовым. Их участок оставался белым островком.

Рабочие обидно посмеивались:

— Ну, ну, нажимай, антилигенция!..

— Вишь, собрался битой да грабленной и плетутся на козе.

— Эй, богадельщики!

— Лопатка-то, видно, не музыка... На ней не так завихаривает барышня!..

Другие степенно унимали:

— Да бросьте вы, трепачи... Вишь, деваха и так разомлела, как паренка в печке... Дай, привыкнет — нашим бабам пить даст... Силы-то у ней, как у ведмедичы. Вон как сложена... Выгуль девка!

— А дух из ее вон!

— Пусть поработает за всю свою породу!..

Василий, смахивая пот со лба, подошел к Валентине.

— Что, упарились, товарищ Сунцова?.. А ну-ка, давайте я...

Он взял у нее из рук лопатку и весело заглянул в глаза.

— На первый день с вас хватит... Садитесь, отдохните, а мы dokonчим этот клочок.

Ударяя раз за разом, он разбил на куски снежную глыбу и, выкидав наверх комья, свалился, обливаясь потом, в кружок к женщинам.

— Куча мала! — крикнула Настя, вскочив верхом к нему на спину. — Вот же конь гулялой!

— Он двадцать пудов попрет и не крякнет.

— Здоров, якорь его возьми, как листовяжный пень! — смеялись приискатели.

Старшие драгеры поднимались и, вскидывая на плечи заблестевшие на солнце лопаты, направлялись к конторе.

— Шабаш!

И так же, как утром, рабочая армия с веселыми криками возвращалась к кладовым, стуча инструментами. Василия догнали Качура и Вихлястый. Оба они, с обмытыми потом лицами и горящими глазами, заговорили вперебой:

— После такого воскресника не мешало бы ребят побаловать.

Голос Вихлястого звучал неврастенически-радостно.

— Да и не квасить ее нам, — поддержал Качура, суетливо поспевая шагать за Василием. — Только народ она дразнит!

— Да о чем вы толмачите? — недоумевал Василий.

— Как о чем, самогонки-то у нас ведерок двадцать, поди, будет? У мужиков-то отняли! — наклоняясь, шепнул Вихлястый.

Василий, дернув головой, засмеялся.

— Сейчас же выльем вон, чтобы не воняло ею на приiske.

Вихлястый и Качура враз кинули на него испуганные взгляды.

— Да ты чего, облещачил, парень? — обидчиво заскрипел Качура упавшим голосом. — Ведь здесь тайга, а не город. Там тоже — из рукава, а тянут! Зачем растравлять людей? Они кабы не знали про это...

— Выдать, конечно, — отчеканил за их спиною голос техника Яхонтова.

Василий с удивлением взглянул на него и приотстал, выравниваясь.

На упрямом лбу Яхонтова не было обычных складок, и черные глаза не прятались в глубокие орбиты.

— Вот и я говорю тоже, — обрадовался Качура, — ведь не для пьянства, Борис Николаевич, а так, чтобы добро не пропало зря. И наряду будет веселее.

— Ясно! — поддержал Яхонтов. — Если мы не выдадим, то они сами возьмут и права будут.

Василий расхохотался.

— Чудаки! Вам самим хочется нутро смазать... Ну, я же не возражаю! Правду говорит Качура — тайга... А сегодня мы заработали по хорошей баночке. Но только это в последний раз.

На крыльце конторы их поджидала кучка рабочих и баб с Никитой во главе.

— Порцию, начальство! — крикнул кто-то с задорным смехом, и за ним раздались десятки осипших, пересохших голосов:

— Порцию!!!

Толпа в тесной давке нажимала на крыльцо, обтапывая друг другу ноги. Жарко дышали груди.

— Вот, видишь, — толкнул Яхонтов локтем Василия. — Все в курсе дела. Грамотный народ!

Василий так же, как и утром, протянул руку.

— А ну, подравняйся!..

И когда ряды вытянулись и закачались зигзагами, как туловище большого змея, он вскочил на крыльцо.

— Товарищи! Мы сегодня в первый раз ударили по тяжелой разрухе... И здорово трахнули... Поэтому ничего не будет пакостного, ежели смочим загоревшую утробу. Но только вперед — к чертовой матери эти порции! От них воняет старым дурманом.

Над тайгою спускался тихий теплый вечер, и чуть слышно шумела дубрава. С гор легкий ветерок приносил смолистые ароматы.